

Сталин и Рузвельт — союзники в войне

В. О. Печатнов*

Сталин и Рузвельт — эти имена соединились в истории как олицетворение боевого союза двух великих держав в борьбе с общим врагом. Сталинско-рузвельтовская «ось» была главным звеном всей «большой тройки», за которым стояли основные военные и экономические ресурсы антигитлеровской коалиции. В истории XX века трудно найти еще один подобный пример личных отношений между государственными лидерами, имевших столь огромные последствия для всего мира. Не удивительно, что этим отношениям посвящена обширная научная литература. Тем не менее, многое в них и по сей день остаётся неясным и даже загадочным. Это касается, прежде всего, их «сталинского аспекта», менее документированного и изученного по сравнению с рузвельтовским. Одна из загадок — как в действительности Сталин оценивал личность своего американского партнера?

С одной стороны, есть длинный ряд свидетельств очевидцев и участников событий, которые говорят об уважительном и даже почтительном отношении Сталина к Рузвельту, начиная с их первой очной встречи в Тегеране. Вот как описывал этот первый контакт по горячим следам для своих подчиненных посол США в Москве А. Гарриман — главный посредник между двумя лидерами, лучше других западных представителей знавший хозяина Кремля: «Сталин чувствовал себя с президентом как дома. Наши взгляды ближе к русским, чем взгляды англичан... Сталин обращался с президентом

как со старшим из участников, всячески стараясь дознаться, что у него на уме. То, что он там обнаружил, ему явно понравилось, и он относился к президенту с чрезвычайным почтением и уважением»¹. Это почтительное отношение Сталина к Рузвельту как к старшему партнеру (хотя тот был на два с лишним года моложе Сталина) в отличие от его гораздо более неровных отношений с Черчиллем отмечается в мемуарах К. Хэлла, Э. Стеттиниуса, Ч. Болена, Э. Идена, А. А. Громыко, В. М. Бережкова и других.

С другой стороны, из воспоминаний соратника И. Б. Тито М. Джиласа известен весьма нелестный отзыв Сталина о Рузвельте, сделанный им в разговоре с югославскими коммунистами летом 1944 года: «Черчилль, если за ним не уследить, вытащит у вас копейку из кармана... Рузвельт не таков. Он потянется только за крупной монетой»². Для многих западных историков один этот отзыв ставит под сомнение все противоположные свидетельства как откровенное выражение подлинного отношения Сталина к президенту, свободного от дипломатических церемоний. Надо учесть, что разговоры с «товарищами по партии» имели свои жанровые особенности и в них не было принято хорошо отзываться о «буржуазных деятелях». И все же вопрос остаётся...

Непростым было и отношение Рузвельта к Сталину. За внешней любезностью и демонстративным уважением также скрывался «задний план» политических расчетов, заслуживающий детального анализа. Анализ этих взаимоотношений затрудняется еще и тем, что оба лидера были

* Владимир Олегович Печатнов — д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У).

скрытными, склонными к лицедейству людьми, не любившими оставлять следов своих мотивов и подлинных настроений.

Взаимные представления и расчёты

Казалось бы, трудно придумать двух других людей, более непохожих по своему происхождению, воспитанию, образу мысли и даже самому типу личности. С одной стороны — американский патриций, виртуозный политик демократического склада, харизматический оптимист солнечного темперамента, полагавшийся на силу убеждения и искусство компромисса. С другой — «сумрачный диктатор» (А. С. Пушкин), крестьянский сын с окраин российской империи, боевик-подпольщик, ставший единоличным правителем огромной страны при помощи кровавых чисток и физического устранения своих противников. И, тем не менее, эти два человека сумели найти общий язык и наладить взаимодействие своих стран в борьбе с общим врагом. Думается, что ключ к решению этой загадки надо искать не столько в словах и психологии, сколько в политике обоих лидеров. При всех огромных различиях между ними Сталин и Рузвельт были расчетливыми реалистами, привыкшими использовать людей в своих политических целях. Личные отношения для них, тем более отношения на высшем уровне, были скорее производными от этих целей. При этом каждый из них занимал центральное место в военно-политической стратегии другого.

Для Рузвельта Сталин был лидером огромного поднимающегося государства, единоличным хозяином советской политики, принимавшим все важнейшие решения. Рузвельт, как видно из его известного спора с бывшим послом США в СССР У. Буллитом весной 1943 года, отказывался видеть в Сталине «простого кавказского бандита»³. Он видел масштаб этого человека, сумевшего создать доселе невиданную государственную систему и провести её через страшное испытание начального этапа войны. Критическая роль Сталина для выживания Советского Союза в этой титанической борьбе считалась в Вашингтоне чем-то подразумевающимся. «СССР выстоит, если будет жив Сталин и продолжится помощь ему со стороны союзников», — прогнозировала из Москвы армейская разведка США в начале 1942 года⁴. Поэтому личность Сталина имела исключительное значение для достижения двух сверхзадач рузвельтовской стратегии в отношении СССР — обеспечении

максимального советского вклада в вооружённую борьбу со странами «оси» и продолжении сотрудничества двух держав после войны, без которого, как хорошо понимал президент, нельзя будет достичь прочного мира.

Главным вектором советской стратегии Рузвельта при всей её многослойности и подстраховках была надежда на постепенную интеграцию Советского Союза в «семейный круг» великих держав (как говорил в Тегеране сам президент) на основе признания его законных интересов безопасности, предоставления весомой роли в мировом концерте великих держав и постепенной либерализации сталинского режима по мере вхождения его в этот «семейный круг»⁵. Через 10–20 лет, говорил президент кардиналу Спеллману осенью 1943 года, «Россию можно сделать менее варварской» и «из дружбы по принуждению может получиться постоянная и длительная дружба»⁶. Ключевым звеном этой «стратегии приручения» была личность самого Сталина как подлинного самодержца, способного повернуть свою страну в ту или иную сторону. Отсюда — одержимость Рузвельта налаживанием личных отношений со Сталиным, его расчеты на завоевание расположения кремлевского диктатора для оказания на него влияния. В этом сказывалась не только его нелюбовь к традиционной дипломатии и вера в своё обаяние, но и уверенность в том, что демократическая Америка и ее президент пользуются в Москве большим расположением, чем аристократическая Великобритания и её лидер — давний противник советской России. «Думаю, что я сам могу справиться со Сталиным лучше, чем Ваш Форин Офис или мой Госдепартамент, — писал он Черчиллю весной 1942 года, — Сталин ненавидит (премудрость) *спесь* всей вашей верхушки. Он более высокого мнения обо мне и, надеюсь, останется при этом мнении»⁷. Эти расчеты Рузвельта на «внушаемость» Сталина, как проницательно заметил знаменитый биограф президента А. Шлезингер-мл., «были отнюдь не столь безнадежно-наивными, как принято считать. Рузвельт с его поразительным чутьём великого политика интуитивно понимал, что для Запада Сталин был единственным доступным рычагом, который можно было использовать против ленинской идеологии и советской системы. Если бы можно было подействовать на Сталина, это уже само по себе давало шанс подтолкнуть русских действовать вопреки предписаниям их веры»⁸. На

подходе к Тегерану Рузвельт, по свидетельству его ближайшего советника Г. Гопкинса, был убеждён в том, что «хотя он вряд ли обратит Сталина в хорошего демократа, он сможет достичь с ним рабочего взаимопонимания. В конце концов, он провел всю жизнь в управлении людьми и Сталин по сути своей не мог в корне отличаться от других»⁹.

Для Сталина в свою очередь Рузвельт был инициатором глубоких реформ «нового курса» и международного сотрудничества в борьбе с фашизмом. Президент, покончивший с многолетней политикой непризнания СССР, «решительный и смелый политик», «самая крупная фигура из капитанов современного капиталистического мира» (по словам самого Сталина в интервью У. Дюранти и Г. Уэллсу 1933–1934 гг.) — таким воспринимался Рузвельт в Кремле в 1930-х гг. При этом в глазах его обитателей он, разумеется, оставался буржуазным, т. е. классово-чуждым деятелем — «либеральным барином», как называл его полпред А. А. Трояновский в депешах в Москву¹⁰.

За годы войны репутация Рузвельта как главной опоры американской политики сотрудничества с СССР еще более укрепилась. Сам факт немедленной поддержки президентом военных усилий «классового врага» в лице СССР должен был произвести большое психологическое воздействие на советское руководство, включая самого Сталина. Хотя в Кремле хорошо понимали эгоистические мотивы этой поддержки, она отнюдь не представлялась неизбежной или безальтернативной. Позиция выжидания, рассчитанная на взаимное истребление двух враждебных Соединенным Штатам диктаторских режимов (в духе известного высказывания сенатора Г. Трумэна) выглядела куда более вероятной и логичной с точки зрения классовой логики кремлёвских вождей. В том, что «просвещённый эгоизм» в политике США возобладал над антисоветизмом, была, как хорошо знали в Москве, большая личная заслуга Рузвельта. Отзвук этой смешанной с удивлением благодарности отчётливо слышен даже в конце войны в ялтинском тосте Сталина за здоровье Рузвельта — человека, «страна которого не подверглась серьёзной угрозе вторжения, но у которого были, очевидно, более широкие взгляды на национальные интересы, и, хотя его стране не грозила непосредственная опасность, он явился главным инициатором мер, приведших к мобилизации всего мира против Гитлера»¹¹.

Советские дипломаты и разведчики, имевшие неплохих информаторов в столице США, как правило, рисовали внутреннюю расстановку Вашингтонских сил в виде двух полюсов — Рузвельта и его лояльного окружения (Г. Гопкинс, Г. Моргентхау, Г. Уоллес и др.) с одной стороны, и «антисоветских элементов» в администрации, госдепартаменте и военном командовании — с другой. Президент в худшем случае мог «проявлять колебания», «идти на поводу» у этих сил или у Черчилля, но не был замечен в качестве инициатора явно враждебных Советскому Союзу действий, а напротив, нередко их пресекал¹².

Восприятие Сталина могло быть более сложным. Не доверявший даже самому себе, привыкший и в союзниках видеть врагов, он, конечно, не доверял до конца и Рузвельту тем более, что благодаря хорошо поставленной разведке, отчётливо видел его двойную игру (прежде всего, с секретной разработкой атомного оружия и затягиванием открытия второго фронта). Но как утилитарист, он хорошо понимал, что Рузвельт для СССР — это наилучший из всех возможных вариантов американского руководства, который нужно беречь и максимально использовать в своих интересах. «Он (Рузвельт) всё же дружелюбнее относится к нам, чем кто бы то ни было из видных американцев, и явно желает сотрудничать с нами». — подтверждал из Вашингтона посол М. М. Литвинов¹³. Для Сталина Рузвельт тоже был важнейшим средством реализации своей большой стратегии, главными целями которой являлись разгром общего врага и закрепление плодов победы — новой расширенной сферы влияния СССР в Европе и на Дальнем Востоке. В последнем Рузвельт проявлял большую стоворчивость, чем Черчилль, что во многом объяснялось удалённостью США от Европы и малой соприкасаемостью американской и советской сфер влияния. Рузвельт, как известно, без особых возражений согласился на передачу Советскому Союзу новых территорий и прав на Дальнем Востоке, дал понять Сталину ещё в Тегеране, что США не будут серьёзно препятствовать восстановлению советского контроля над Прибалтикой (при условии соблюдения там внешних демократических приличий типа референдума) и был готов смириться с советским доминированием (если и не полным контролем) в Восточной Европе¹⁴.

Более отдалённые перспективы отношений с США при сохранении там «рузвельтовской тенденции» также выглядели из Москвы

весьма обнадеживающе. Лучшие умы НКВД — М. М. Литвинов, И. М. Майский, А. А. Громыко в своих прогнозах 1943–1944 гг. исходили из того, что послевоенная «американская экспансия» минует сферу влияния СССР и будет идти в основном за счёт британской империи, что США могут сотрудничать с СССР в искоренении остатков фашизма и милитаризма, а также служить источником финансово-экономической помощи в послевоенном восстановлении народного хозяйства¹⁵.

Вопрос о том, как далеко сам Сталин был готов зайти в сотрудничестве с Рузвельтом, пока не имеет однозначного ответа ввиду скудости имеющихся у нас данных. Здесь многое зависело от конкретных задач и обстоятельств; не случайно пик сталинской готовности к сближению с Вашингтоном пришёлся на критический конец 1941 — начала 1942 года, когда, по выражению А. Твардовского, «было всё на кону». Именно тогда Сталин допускал возможность прямого участия сил союзников в военных действиях на советско-германском фронте и высказал горячую поддержку (вопреки сомнениям В. М. Молотова) рузвельтовской идеи «четырёх полицейских» как основы системы послевоенной безопасности. «Соображения Рузвельта насчёт охраны мира после войны совершенно правильны, — телеграфировал он своему заместителю, находившемуся с дипломатической миссией в Вашингтоне в мае 1942 года. — Не может быть сомнения, что без создания объединённой вооружённой силы Англии, СССР, США, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай»¹⁶. Историки обычно проходят мимо этого высказывания; между тем, сама идея создания «объединённой вооружённой силы» четырех великих держав для предотвращения агрессии была для того времени необычайно смелой, тем более — в устах лидера Советского Союза, который до того в своих отношениях с Западом не шел дальше договоров о коллективной безопасности. Для Сталина эта идея не была одиночным экспромтом. Он снова вернулся к ней в Тегеране, где в беседе с Рузвельтом высказался за совместный контроль Объединённых Наций не только над Германией, но и над стратегическими опорными точками по всему миру, включая Европу, Дальний Восток и Северную Африку. Президент поддержал эту идею «на все сто процентов», после чего Сталин заметил, «что в таком случае всё обеспечено»¹⁷. Однако Рузвельт уклонился

от дальнейшего обсуждения этого предложения (показавшегося ему, видимо, слишком радикальным) и шанс на попытку реализации идеи «четырёх полицейских» был упущен. Хотя Сталин по мере укрепления позиций СССР всё больше рассчитывал на собственные силы в обеспечении безопасности своей страны, он и в августе 1944 года в переговорах с польской делегацией говорил о «мече» военной мощи Объединённых Наций как гарантии послевоенного мира — перспектива совместного военного контроля «большой тройки» над миром, видимо, еще не казалась ему невысказанной¹⁸.

Но и независимо от этой отдалённой перспективы, дополнительную ценность Рузвельту в глазах Сталина придавало то обстоятельство, что американский президент был определённым противовесом Черчиллю, давая возможность кремлёвскому диктатору играть на англо-американских противоречиях. Доктринская убежденность в неискоренимости «англо-американского антагонизма» лежала в основе мировосприятия советского руководства. Планировщики НКВД, в частности, искренне верили, что с помощью США Советскому Союзу удастся потеснить британского льва с окраин его империи, прилегавших к сфере интересов СССР¹⁹.

В целом, из двух лидеров англо-саксонского мира Рузвельт для Сталина был гораздо более важной и располагающей фигурой, чем Черчилль. Сказывались и личные качества — обходительность Рузвельта и ершистая заносчивость британского премьера. Эта дифференциация особенно отчётливо просматривается в ходе переговоров «большой тройки» в Тегеране и Ялте. Сталин гораздо предупредительнее с Рузвельтом, чем с Черчиллем — чаще соглашается с ним, а если возражает, то сдержанно, никогда не позволяя себе явных колкостей или грубоватых шуток, выпадавших на долю англичанина. Наверное, не случаен был и выбор разномастных кличек для обоих лидеров в донесениях советской разведки — «Капитан» (Рузвельт) и «Кабан» (Черчилль), поскольку разведчики хорошо представляли себе вкусы и предпочтения главного адресата своей информации.

Короче говоря, заинтересованность Сталина и Рузвельта друг в друге носила обоюдный характер, причем стратегические соображения для обоих подкреплялись личным интересом к партнёру и его политике. Для Рузвельта Сталин был трудным, но интригующим и серьёзным партнёром, скупым на военные обязательства,

однако твёрдым в их соблюдении, как показывали, например, советская поддержка высадки союзников в Нормандии и помощь им во время последнего наступления немцев в Арденнах (последнее — в порядке добровольного исполнения «товарищеского долга», а не формальных обязательств, как подчёркивал Сталин в Ялте)²⁰. Рузвельт был одним из немногих американских политиков, наделённых способностью и желанием войти в труднейшее положение советского руководства, проявляя при этом большой такт и уважение к союзнику. «Со Сталиным необходимо обращаться крайне внимательно». — Писал он Черчиллю в июле 1942 года. — «Нам всегда нужно помнить о личности нашего союзника и той трудной и опасной ситуации, в которой он находится. Нельзя ожидать глобального взгляда на войну от человека, в страну которого вторгся враг»²¹. Как видно из этой англо-американской переписки, Рузвельт не разделял черчиллевского снобизма в отношении Сталина, стремился гасить эмоциональные вспышки премьер-министра, призывая его к большей терпимости и деликатности в обращении с «дядюшкой Джо». Если для Черчилля были характерны резкие переходы от возмущения Сталиным к восхищению им, то Рузвельт вел себя с ним более ровно и последовательно, опираясь на свою долгосрочную «стратегию приручения». Хорошо зная сталинскую подозрительность, президент стремился не давать для неё лишних поводов, избегая ситуаций, отдающих «англо-американским сговором» против Сталина. Известны, например, его неоднократные отказы от двусторонних встреч с Черчиллем накануне и в ходе тегеранской встречи в Тегеране, где он к тому же предпочел остановиться в советской, а не британской резиденции. Само согласие Рузвельта на пагубные для его здоровья далёкие поездки в Тегеран и Ялту также было данью уважения к советскому союзнику.

Взаимоотношения Сталина и Рузвельта осложнялись тем, что объективное положение обоих лидеров и возглавляемых ими государств в условиях Второй мировой войны коренным образом рознилось. Сталин представлял страну, подвергнувшуюся массированному вторжению главных сил мощного врага, который оккупировал значительную часть его территории. На карту — вплоть до коренного поворота в войне — было поставлено само выживание страны и ее народа. Выстоять в этом лобовом столкновении с самой сильной военной машиной того времени можно было только ценой крайнего напряжения

всех сил и ресурсов. Другого выбора у Сталина не было и понятно, что решению этой задачи подчинялось всё остальное.

Рузвельт располагал несравненно большей свободой действий. Неуязвимая для вражеского нападения, располагавшая огромной экономической базой с большим запасом производственных мощностей и временем для постепенного наращивания сил, Америка могла себе позволить весьма щадящую модель мобилизации, тем более, что основную тяжесть войны долгое время нес на себе Советский Союз. «...У нас было время подготовиться, пока другие воевали», — говорил на слушаниях в Конгрессе в начале 1945 года глава Управления военных исследований и разработок известный американский физик В. Буш²².

Учитывая эту огромную разницу в ставках и приоритетах, лидерам двух стран было не просто войти в положение друг друга. Сталину было трудно понять медлительность и колебания союзников в оказании военной помощи СССР. Рузвельт и особенно Черчилль недооценивали критичность советской ситуации и корили Сталина за недопонимание сложностей своей борьбы с Германией и Японией на других военных театрах.

Оба лидера действовали и в различных внутренних условиях. Несмотря на усиление президентской власти в обстановке военного времени Рузвельт был вынужден считаться с Конгрессом, общественным мнением и прессой, а также — с предвыборными соображениями. У Сталина этих ограничений не было, чему Рузвельт в душе немного завидовал. Как-то раз в беседе с доверенным британским дипломатом президент сказал полушутя, «что вообще-то он является большим сторонником принципа диктатуры и что если бы только все мировые дела были предоставлены ему, Премьер-министру и Дядюшке Джо безо всяких забот о Конгрессе и Парламенте, то всем было бы гораздо лучше»²³. Эта разница в политических режимах также мешала взаимопониманию: Сталин с крайним недоверием относился к ссылкам англо-американцев на свои домашние препятствия, а Рузвельт плохо разбирался в сталинской системе власти.

Разумеется, во взаимоотношениях двух лидеров в годы войны бывало всякое: периоды затишья или относительной гармонии сменялись охлаждениями и даже разладами, сопровождавшимися взаимными обвинениями.

Траектория этих колебаний определялась не столько субъективными особенностями обоих партнеров, сколько военной обстановкой и политикой сторон. Все это, прежде всего, отражалось в переписке «Сталин — Рузвельт», служившей главным каналом связи между ними. Новые документы российских, американских и британских архивов, связанные с этой перепиской, добавляют свежие штрихи к уже известным эпизодам взаимоотношений двух лидеров. Особый интерес представляют кризисные моменты этих отношений и то, как эти кризисы преодолевались.

Первые трудности

На первом этапе войны оба лидера неизменно придерживались в ней ровного уважительного тона, несмотря на имевшиеся трудности и разногласия²⁴. У Сталина были причины для недовольства политикой Вашингтона, сорвавшего в 1941 — начале 1942 г. выполнение плана поставок по ленд-лизу. В отчете Наркомата внешней торговли об итогах первых трех месяцев реализации Первого протокола, отмечалось, что «представители американского правительства щедро дают обещания и бесцеремонно нарушают свои обязательства»²⁵. Однако Сталин воздерживался от прямой критики администрации в этом вопросе. Его сдержанность объяснялась, видимо, не только нежеланием задевать президента, но и осведомленностью о том, что Рузвельт и Гопкинс делают всё от них зависящее для выправления ситуации, тогда как военное и другие ведомства США нередко саботируют указания президента²⁶.

Еще более серьезным раздражителем для Кремля были проволочки союзников в вопросе об открытии второго фронта в 1942 году, но и здесь Сталин адресовал свои самые резкие упреки не Рузвельту, а Черчиллю, видя в нем главного вдохновителя этой политики.

Первое небольшое охлаждение в отношениях двух лидеров произошло на рубеже 1942–1943 гг. Оно было спровоцировано упорным желанием американского военного командования заполучить авиабазы на Дальнем Востоке для своей войны с Японией. Идя на поводу у военных, Рузвельт в послании Сталину от 30 декабря поднял вопрос о посылке туда американских авиационных соединений и предложил направить на Дальний Восток инспекционную миссию во главе с генералом О. Брэдли для подготовки этой операции²⁷.

Послание президента насторожило Сталина, оживив его давние опасения, что американцы хотят втянуть СССР в преждевременную войну с Японией. Предложение провести осмотр советских военных объектов на Дальнем Востоке отдавало еще и разведывательными намерениями американской стороны. Тем не менее, Сталин предпочел не заметить этой части послания, выделив предложение Рузвельта направить на Дальний Восток американские бомбардировочные авиачасти. Сталин резонно предложил послать эти бомбардировщики (без летного состава) на действующий советско-германский фронт²⁸.

Рузвельт, однако, упорствовал. Признав, что планы совместных действий против Японии носят предварительный характер, он все же продолжал настаивать на поездке Брэдли в своем послании от 9 января 1943 г. К этому было привязано и предложение направить в Москву генерала Дж. Маршалла для обсуждения положения на Дальнем Востоке и информирования советского руководства о дальнейших планах союзников. Это была личная инициатива Рузвельта, удивившая даже его военных. Когда 7 января на совещании с руководством Комитета Начальников Штабов президент предложил эту идею генералу, тот недоуменно спросил о цели такой поездки. Маршалл хорошо знал, что ему нечего будет сказать Сталину по существу, поскольку даже между собой КНШ и Белый дом к тому времени еще далеко не определились с планами дальнейших операций, не говоря уже об их согласовании с англичанами. Рузвельт ответил, что поездка Маршалла поможет укрепить моральный дух русских, поскольку Сталин после отказа присоединиться к англо-американской конференции в Касабланке «возможно, чувствует, что выпал из обоймы» и «испытывает чувство одиночества»²⁹. Вероятно, президент имел в виду, что Маршалл поедет в Москву после Касабланки и лично проинформирует Сталина о принятых на ней решениях, дабы рассеять у того ощущение изоляции. Так или иначе, если Рузвельт хотел тем самым поднять настроение Сталина, то он скорее добился обратного эффекта.

Настойчивое стремление Белого дома проникнуть на Дальний Восток, где не было никаких военных действий, в сочетании с явным нежеланием послать эти самолеты на реальный советско-германский фронт при сталинской подозрительности могло быть истолковано только как намерение втянуть СССР в «свою войну»,

оставшись в стороне от советско-германской войны. В другой раз Сталин, возможно, и принял бы авторитетного Маршалла, но в данном контексте и в дальневосточной привязке он счел такой приезд нежелательным. В итоге он отступил от своего обычного вежливо-предупредительного тона в переписке с Рузвельтом и послал первое резкое послание президенту. Он жестко отвел оба предложения президента: «вполне понятно, что русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией», что же касается миссии Маршалла, то Сталин попросил «разъяснить цель и задачи этой поездки, чтобы я мог сознательно отнестись к этому вопросу и дать Вам свой ответ». Мало того, в конце послания Сталин напомнил о неудачах союзников в Северной Африке, наступая на большую мозоль англо-американцев³⁰. Хотя рукописный черновик послания принадлежал Молотову, в этом ответственном случае нарком, конечно, действовал по указанию «Хозяина». «Вероятно, Рузвельт обидится», — прокомментировал в дневнике Майский, информированный об этой переписке, — «Ничего не подделаешь! Надо учить американцев. Они в самом деле воображают себя солью земли и менторами мира»³¹.

Рузвельт ничего не ответил на это холодное послание Сталина, удержавшись от соблазна высказаться в том же духе. Но в душе он был возмущен непривычным для себя обхождением. «Рузвельт был страшно взбешен и хотел было резко реагировать», рассказывал Черчилль Майскому о беседах с президентом в Касабланке. «Но я его разубедил. Я сказал президенту: кто сейчас действительно воюет? Только Сталин воюет и как воюет... Не можем мы ему в таком случае ставить каждое лыко в строку. Рузвельт согласился со мной и решил не ругаться со Сталиным». Не понимал президент и причин отказа Сталина приехать на встречу с ним и Черчиллем, на что премьер, по его словам в том же разговоре с Майским, сказал:

«Сталин — реалист. Его не проймешь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: «Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году? А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала, — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более, что дома у него действительно делаются большие дела»»³².

Миссия Дэвиса

Наметившийся к лету 1943 года перелом в ходе войны на фоне осложнения отношений с советским союзником по второму фронту подстегнул давнее стремление Рузвельта установить прямой личный контакт со Сталиным даже в обход Черчилля. Президент был убежден, что сможет скорее найти общий язык с советским вождем, чем империалист и аристократ Черчилль, уже встречавшийся со Сталиным в августе 1942 года. Такой демарш требовал особой деликатности и не случайно Рузвельт вновь прибегнул к использованию доверенного личного эмиссара, избрав на сей раз для этой роли бывшего посла США в Москве Джозефа Дэвиса, пользовавшегося доверием президента и имевшего хорошую репутацию в Кремле. Миссия Дэвиса готовилась в глубокой тайне, кроме президента в нее был посвящен только Г. Гопкинс³³. Рузвельт и Дэвис (как поведает потом Дэвис в разговоре с Литвиновым) даже разработали секретный код для обозначения месяцев года, которые Сталин может предложить для встречи с президентом, а Дэвис передаст депешей из Москвы в Белый дом, скрывая подлинный смысл сообщения от непосвященных³⁴. Что касается Черчилля, то президент заверил Дэвиса, что позднее сам объяснится с премьером и тот «все поймет»³⁵. Объяснение, однако, вышло тяжелым: когда в июне Рузвельт окольным путем — через своего представителя в Лондоне А. Гарримана сообщил премьеру о планах своей встречи с «дядюшкой Джо», он попытался приписать авторство этой идеи самому Сталину. Черчилль плохо в это поверил, хотя и не стал оспаривать версию Рузвельта³⁶.

Содержание послания президента Сталину было скрыто не только от англичан (усиленно гадавших об этом «таинственном послании») ³⁷, но и от посла США в Москве У. Стэндли. Литвинова Рузвельт лично проинформировал о своей идее «встречи без Черчилля», так что Сталин был заранее поставлен в известность о готовившейся миссии³⁸. Дэвис передал послание Сталину 20 мая 1943 года, причем бедному Стэндли пришлось оставить эмиссара наедине со Сталиным и Молотовым во время его обсуждения³⁹. Вдобавок ко всему на следующий день Дэвис пытался убедить посла, что он не знает содержания послания (так как оно, якобы, было написано на русском языке)⁴⁰.

Ответ Сталина на тайное предложение Рузвельта о встрече тет-а-тет был вполне

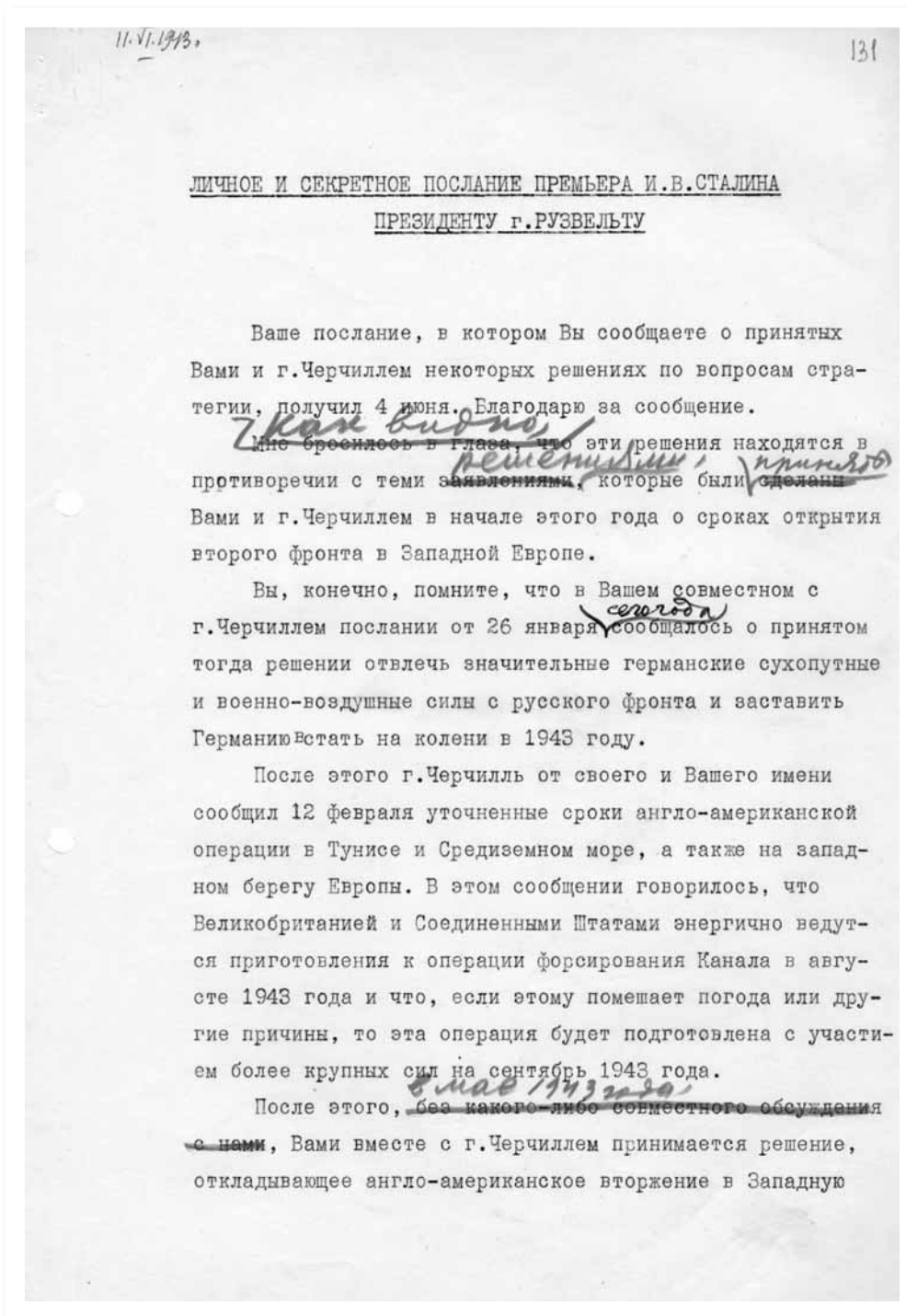

Рис. 1.

положительным. Хотя в беседе с Дэвисом он высказал удивление исключением Черчилля, Сталин согласился и на встречу вдвоем, причем — без жестких предварительных условий о месте ее проведения. Из уважения к президенту («этому великому человеку», как он сказал Дэвису) в качестве возможного места встречи Сталин даже назвал американский город Фербенкс в глубине Аляски, расположенный еще дальше от советской территории, чем предложенный

президентом берег Берингова пролива⁴¹. Обходя каналы Госдепартамента, Дэвис поведал Рузвельту о Фербенксе устно по возвращению⁴². Предложенное Сталиным возможное время встречи (июль–август) Дэвис сообщил президенту еще из Москвы, используя тот самый секретный код, о котором он заранее договорился с Рузвельтом, так что Стэндли не понял, о чем идет речь.

Сталина, как и американского президента, видимо, привлекала возможность «встречи

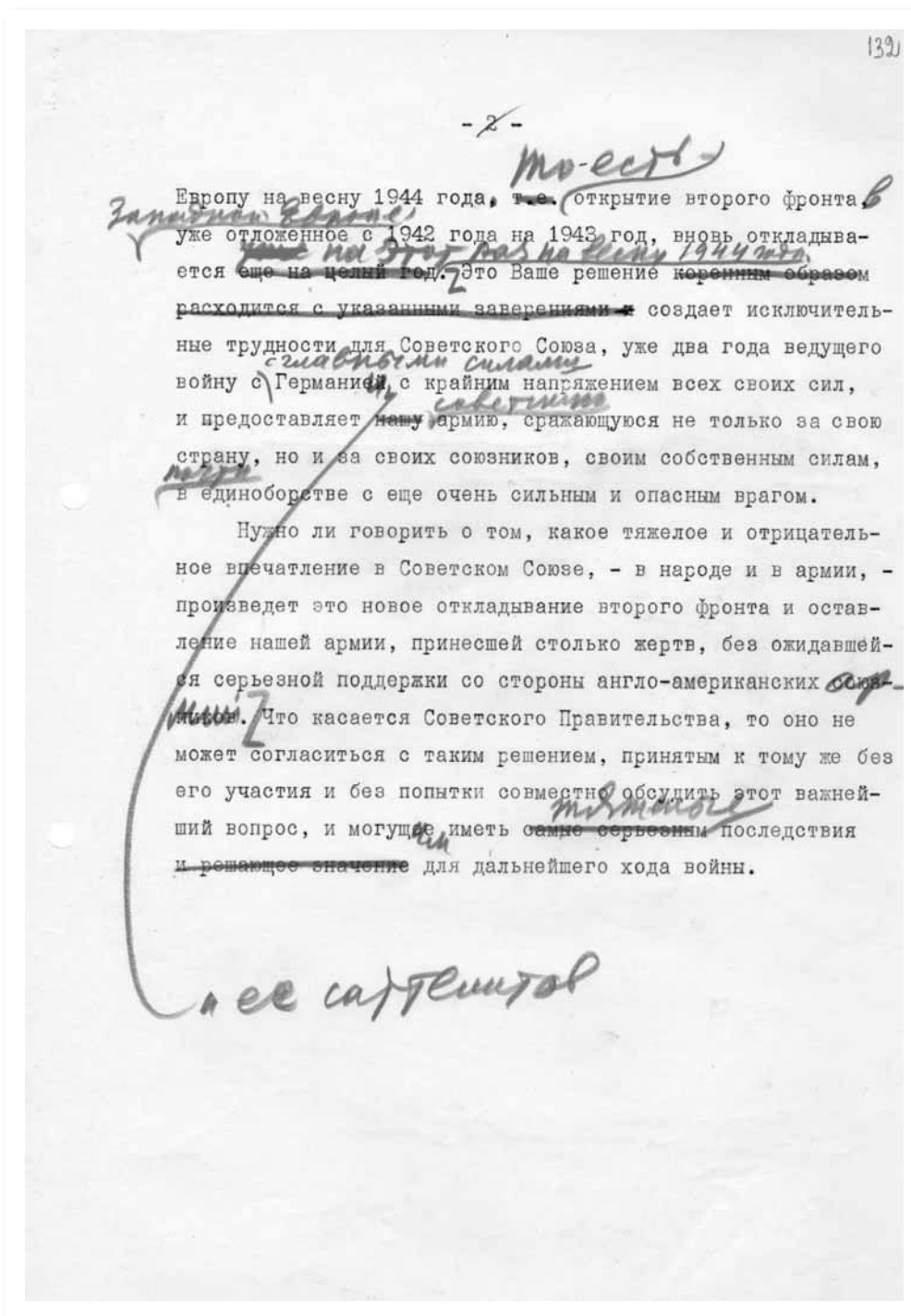

Рис. 2.

умов», которая открывала возможность выяснения англо-американских разногласий и использования их в своих целях. Вопрос о том, насколько он действительно был готов ради этого отправиться на Аляску, остается открытым. Сам Дэвис вполне удовлетворился сталинской реакцией, сообщив Рузвельту, что его миссия увенчалась «полным успехом»⁴³ и что в ее результате «в принципе было достигнуто полное согласие»⁴⁴. В послании Сталину от 4 июня Рузвельт

поблагодарил его за «сердечный прием» своего эмиссара и принципиальное согласие со своим предложением, подчеркнув, что ждет «дальнейшего сообщения» о намеченной встрече⁴⁵.

Ждать, однако, пришлось долго. Если у Сталина и было намерение поехать на Аляску для встречи с президентом, то оно, видимо, исчезло после получения 4 июня послания Рузвельта, в котором тот сообщил о решениях, принятых на англо-американском совещании

под кодовым названием «Трайидент» (Вашингтон, 12–25 мая). Главным последствием этих решений для Советского Союза была новая отсрочка открытия второго фронта, на сей раз — до весны 1944 года.

Извещение Сталина об этих решениях давалось союзникам нелегко. Черчилль вспоминает, что на самой вашингтонской конференции ему с Рузвельтом так и не удалось составить приемлемый текст послания Сталину, хотя они потратили на это немало сил⁴⁶. Итоговый вариант подготовил Дж. Маршалл, когда они с Черчиллем летели из США на штабное совещание в Алжир. Дальнейшие согласования содержания послания осуществлялись уже между штабом Эйзенхауэра в Алжире и Белым домом при соблюдении строжайших мер предосторожности. Шифропереписка через военные каналы велась с использованием кодовых имен: «Агент» (Черчилль), «Битти» (Рузвельт), «Румба» (Сталин). Черчилль через Гопкинса поторапливал президента, интересуясь судьбой послания. Гопкинс отвечал, что 31 мая оно было отправлено назад Маршаллу для пересылки его в Москву со специальным курьером⁴⁷. Правка президента была крайне незначительной. 2 июня Черчилль через Маршалла просил Рузвельта о том, чтобы послание было вручено Сталину совместно послами США и Великобритании в Москве, а сопроводительное письмо шло бы от имени его и президента⁴⁸. В конечном итоге от посылки курьера пришлось отказаться, поскольку президент ответил, что послание и сопроводительное письмо «были переданы шифром в американское посольство, но с большой неохотой ввиду постоянной угрозы взлома кодов»⁴⁹. Рузвельт умолчал о том, что сопроводительное письмо была подписана им одним, хотя и со ссылкой на согласие Черчилля.

Сталин ответил Рузвельту посланием, полным сдержанного негодования. Его правка черновика, подготовленного В. М. Молотовым, сделала документ еще более точным и энергичным⁵⁰.

В своей правке последнего абзаца (рис. 1, 2) Сталин в косвенной форме вообще отрицает «решающее значение» действий союзников для хода войны, по умолчанию оставляя эту роль только за Советским Союзом. В результате законное возмущение поведением союзников сочетается с подчеркнутым чувством собственного достоинства и уверенностью в своих силах.

Рузвельт в ответ предпочел отмолчаться, предоставив возможность отреагировать на это сталинское послание Черчиллю. Попытка

премьер-министра дать развернутое оправдание решениям «Трайидента» вызвала еще более суровый выговор Сталина, приведший Черчилля на грань разрыва его переписки с Кремлем⁵¹. Рузвельт, между тем, все еще рассчитывал на встречу со Сталиным тет-а-тет и решил напомнить ему о тайной договоренности. В послание от 15 июля 1943 года он вставил загадочную фразу: «Я надеюсь вскоре услышать от Вас относительно другого дела, которое, как я по-прежнему считаю, чрезвычайно важно для Вас и для меня»⁵². Рузвельт, как подтверждал английский посол Галифакс из Вашингтона со ссылкой на разговор с самим президентом, «еще не утратил надежду получить согласие Сталина на встречу с ним». Президент, сообщал он, хотел бы использовать эту встречу для зондирования возможности «присоединения СССР в будущем» к войне с Японией⁵³. Черчилль к тому времени примирился с этой сепаратной затеей. В разговоре с Майским 3 июля он великодушно заметил: «...я не буду в претензии, если Сталин и Рузвельт встретятся вдвоем. У меня с Рузвельтом полное взаимопонимание. Я был бы рад, если бы такое же взаимопонимание установилось между Рузвельтом и Сталиным»⁵⁴. Однако Сталин хранил молчание и тогда уже Дэвис (возможно, с подсказки президента) напомнил ему о тогдашнем уговоре, передав через Гопкинса записку о том, что он обеспокоен отсутствием вестей из Кремля. 22 июля 1943 года Гопкинс от имени Рузвельта попросил А. А. Громыко переслать это сообщение Сталину⁵⁵. Временный поверенный не замедлил исполнить это в тот же день, передав специальной депешей на имя Молотова следующее: «Рузвельт через Хопкинса просил меня передать товарищу Сталину следующее обращение Джозефа Дэвиса: «Маршалу Сталину. Я немного беспокоюсь в связи с тем, что мы ничего не слышали от Вас относительно моего последнего разговора с Вами. Не могли бы Вы известить нас в скором будущем»⁵⁶. Сталин не стал отвечать ни Рузвельту, ни Дэвису. Он прекрасно понял загадочную фразу Рузвельта в послании от 15 июля, обведя ее в переводе двойной чертой⁵⁷, но ответил президенту лишь 8 августа 1943 года. Сославшись на сложную обстановку на фронте, он вежливо отложил выполнение своего обещания, «данного Вам через г-на Дэвиса», отметив, что не возражает против участия в будущем совещании Черчилля⁵⁸. Сепаратная встреча двух лидеров так и не состоялась.

Мини-кризис вокруг Италии

Следующее обострение отношений между Рузвельтом и Сталиным произошло по вопросу обращения с Италией, которая начала выходить из войны вскоре после вторжения союзников в Сицилию 25 июля 1943 года. Рассматривая Италию как свою зону влияния, англо-американцы стремились свести к минимуму роль СССР в итальянских делах: они монополизировали мирные переговоры с правительством маршала П. Бодольо и с запозданием информировали Москву об этих переговорах в совместном послании от 19 августа 1943 года (которое к тому же дошло до Сталина и Молотова в неполном виде)⁵⁹.

Реакция Кремля на это послание Рузвельта и Черчилля была очень резкой по своей стилистике. Возможно, это отчасти объяснялось инициативой Молотова, рукой которого оно написано безо всякого видимого участия Сталина. Автор ухватился за злосчастные пропуски в послании, чтобы обвинить союзников в халатности, если не в чём-то худшем. В послании, правда, содержалось и важное конструктивное предложение о создании союзной комиссии по Италии, которое наверняка было согласовано со Сталиным. Но и оно было сформулировано в явно раздраженном тоне⁶⁰.

Это послание было получено Рузвельтом и Черчиллем 24 августа 1943 года в Квебеке, где они находились на очередном англо-американском совещании под кодовым названием «Квадрант». «Мы оба вне себя» — была первая реакция президента, которую удалось смягчить Гарриману, напомнившему слова Черчилля из его послания Сталину по второму фронту — «Ваши упреки совершенно меня не трогают». Премьеру, однако, было не до шуток. В разговоре с Гарриманом он назвал Сталина «противоестественным человеком» и мрачно предрекал «кровавые последствия» конфликтов с ним в будущем⁶¹. Не случайно даже Э. Иден в своём окружении выразил озабоченность «опасно антирусским» настроением премьера⁶². В отчете для своего Кабинета по итогам «Квадранта», датированном 25 августа, Черчилль писал:

«Единственным темным пятном сейчас является всё усиливающаяся медвежья манера Советской России. Вы, конечно, ознакомились с телеграммой Сталина о событиях в Италии. У него нет абсолютно никаких оснований для жалоб, поскольку мы не сделали ничего иного, кроме как передали итальянским представителям суровые условия безоговорочной капитуляции,

которые уже получили полное одобрение Советского правительства, и немедленно информировали его обо всех этих вопросах.

Президент был крайне обижен тоном этого послания. Он дал указание передать советскому временному поверенному, что он в отъезде и вернется только через несколько дней. Сам я пока не получал подобного сообщения, но мы с Иденом, естественно, не будем ничего предпринимать, пока не изменится настрой Президента»⁶³.

Упомянутое Черчиллем указание Рузвельта, действительно, имело место, но содержало совсем не тот смысл, который приписывал ему премьер-министр. В архиве Штабной комнаты Белого дома сохранилось незамеченное до нас историками распоряжение президента своему ближайшему помощнику генералу («папаше») Уотсону, датированное 25 августа 1943 года, когда после окончания «Квадранта» Рузвельт и Черчилль разъехались по стране на несколько дней отдыха. В нём для передачи через Громыко содержалось следующее сообщение Сталину: «Послание Маршалла Президенту и Премьер-Министру было передано Президенту, который покинул конференцию в Квебеке и ввиду отсутствия будет недоступен до начала следующей недели. Любой ответ Маршалла на телеграмму Президента и Премьер-Министра по поводу совместной встречи, разумеется, будет им передан»⁶⁴. (имелось в виду совместное послание Рузвельта и Черчилля от 18 августа 1943 года, в котором они в очередной раз предлагали провести встречу в верхах).

Это полуофициальное послание Рузвельта ясно говорит о желании президента оставаться на связи с Кремлем во время своего отсутствия в Вашингтоне, а вовсе не о его возмущении действиями Сталина. Так его понял и Громыко, который (как докладывал в тот же день президенту сам Уотсон), «заверил меня, что сделает всё от него зависящее для ускорения ответа на исходное послание от Вас и Премьер-Министра»⁶⁵. Таким образом, Черчилль — намеренно или нет — сильно сгущал краски, проецируя на президента свое раздраженное настроение. Очевидно, что Рузвельт с его более терпимым и уравновешенным отношением к Сталину ожидал от него новых, более обнадеживающих сигналов, прежде всего — по самому волновавшему его вопросу о встрече «большой тройки».

Это объяснение подтверждается и новыми документами из Архива внешней политики МИД России. Громыко, конечно, не мог не

передать в Москву (причем — самым срочным образом) личное напоминание президента. В тот же день он телеграфировал Молотову:

«Генерал Уотсон сегодня, 25 августа, в 9 часов 30 минут утра попросил меня приехать к нему в Белый дом. Он сообщил, что получил указание президента (который еще находится в Канаде) просить меня сообщить товарищу Сталину о том, что он, Рузвельт, и Черчилль очень хотели бы получить в ближайшие дни ответ товарища Сталина на их предложение о возможности встречи в Фербенксе. Черчилль специально задерживается здесь в США до получения ответа. Завтра он прибывает в имение Рузвельта возле Нью-Йорка «Гайд парк». Рузвельт возвратится из Канады в начале будущей недели, во всяком случае не раньше понедельника. Вотсон дал мне прочесть текст вышеупомянутого послания Рузвельта и Черчилля от 18 августа на имя товарища Сталина»⁶⁶.

Как видно, Уотсон придал сообщению президента еще более любезный, почти просительный характер. Но к тому времени ответ Кремля был уже готов. На следующий день (26 августа) в Вашингтоне было получено другое, гораздо более примирительное по тону послание обоим лидерам от Сталина, который, видимо, решил сгладить инцидент и успокоить союзников. В нём вежливо говорилось о невозможности для Сталина отлучиться для встречи на Аляске и выражалось согласие с инструкциями Эйзенхауэру по условиям капитуляции Италии. Очередной мини-кризис в союзных отношениях был преодолен.

На пути к Тегерану

Выбору Тегерана в качестве места встречи «большой тройки» предшествовал длительный торг между Сталиным и Рузвельтом, который в отличие от Черчилля упорно отказывался от столь далекой поездки к границам СССР. Анализ черновики переписки и других новых документов позволяет прояснить некоторые любопытные нюансы в этой предистории. Сталин впервые упомянул Иран в послании Рузвельту от 8 сентября 1943 года, причем вставил этот абзац своей рукой — видно, идея эта осенила его уже в ходе редактирования молотовского проекта. Он также вписывает туда фразу о том, что момент встречи еще придется уточнить, «считаясь с обстановкой на советско-германском фронте, где втянуто в войну с обеих сторон свыше 500 дивизий и где контроль со стороны

Верховного командования СССР требуется почти каждодневно»⁶⁷. Тем самым, Сталин с самого начала вводит свой козырный аргумент в пользу Тегерана — необходимость для Главнокомандующего быть рядом с фронтом, где решается судьба всей войны. Рузвельт в ответ выдвинул свои резоны — необходимость постоянного контакта с конгрессом, трудности фельдъегерской связи между Вашингтоном и Тегераном. Он предложил провести встречу в Каире, Багдаде или одном из портов Восточного Средиземноморья, где обещал Сталину надежную связь и охрану⁶⁸.

Послание Рузвельта с просьбой о переносе места встречи из Тегерана было внимательно прочитано в Кремле с подчеркиванием ключевых фраз. Однако Тегеран для Сталина был принципиально важен и он не собирался уступать. Из предыдущей переписки с Рузвельтом он прекрасно знал, как давно стремился президент к этой встрече. Кроме того, Рузвельт на встрече с Громыко 4 октября 1943 года сам проговорился, что «вообще он не против того, чтобы встречу устроить в Тегеране, но что для него это было бы связано с очень большими трудностями» в отношениях с Конгрессом, как сообщил в Москву новый посол⁶⁹.

Таким образом, в этом психологическом поединке «кто дрогнет первым» тактические преимущества были на стороне Сталина. Рукописная правка Молотовым подготовленного проекта была, видимо, одобрена Сталиным в устной форме, а может быть — и подсказана им, судя по визе наркома на этом документе. Она усиливает козырный аргумент вождя, отодвигая в сторону все остальные доводы⁷⁰.

Несгибаемость Сталина в вопросе о Тегеране стала для Рузвельта тяжелым известием. Сразу же по получении послания президент надиктовал своей секретарше текст ответа, что было крайне редко в его переписке со Сталиным. Затем он показал его Гопкинсу, который помимо мелкой редакционной правки предложил целиком исключить одно предложение, в котором Рузвельт пытался доказать, что исполнение им своих конституционных обязанностей так же важно для победы в войне как роль Сталина в качестве главнокомандующего. Гопкинс, видимо, сумел убедить президента, что такое уравнение было бы явной натяжкой. Ощущая эту слабость, Рузвельт не только более подробно развернул свою аргументацию, но и предельно драматизировал ситуацию: он называет ее «кризисом» (в русском переводе — «критическое положение»).

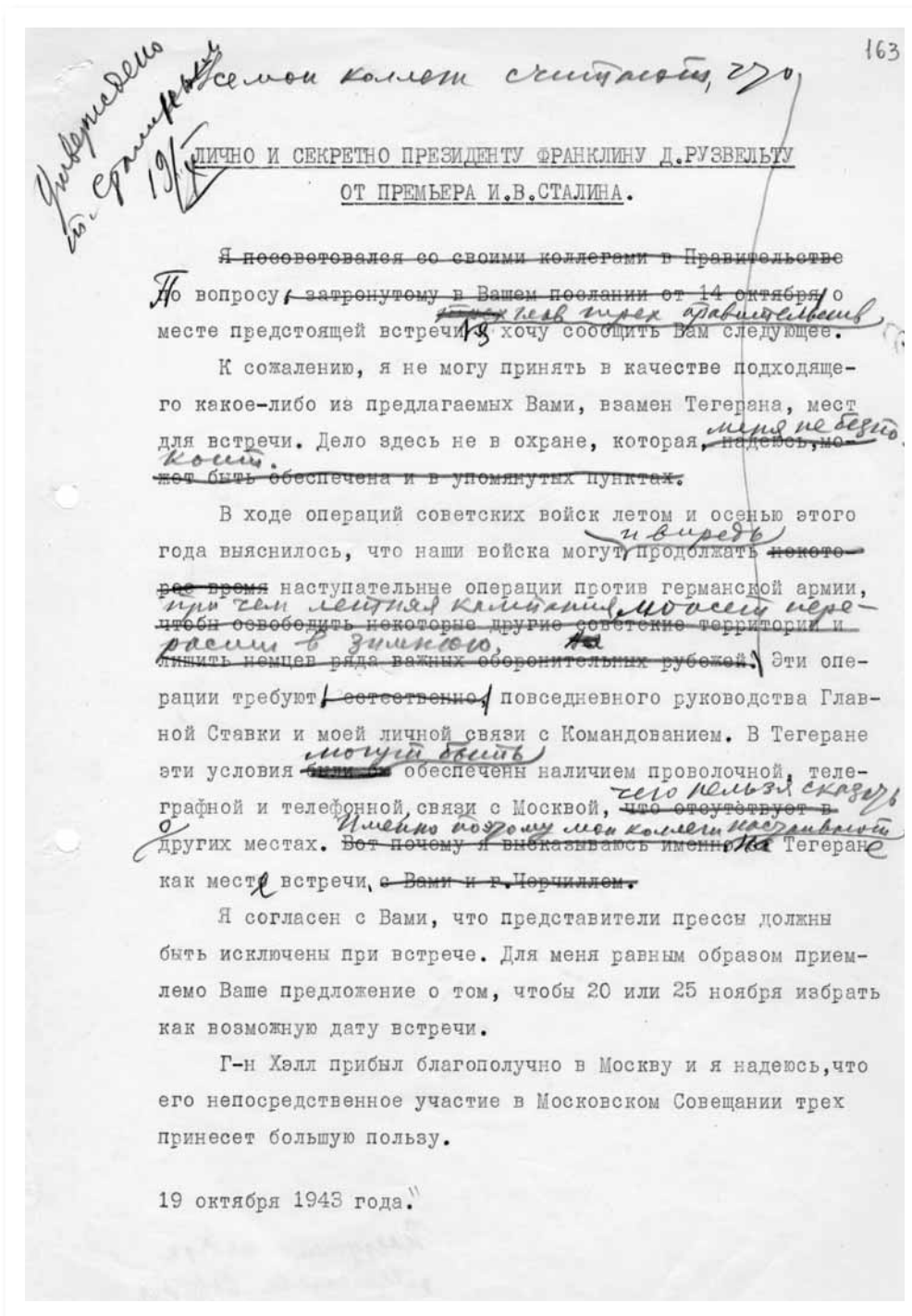

Рис. 3.

ние»), а возможность срыва встречи из-за разногласий о месте ее проведения — «трагедией». В качестве последней уступки своему корреспонденту Рузвельт предлагал Басру и даже Анкару, расположенные недалеко от советской границы. Послание заканчивалось на эмоциональной просительной ноте — президент просил Сталина «выручить» его в этом вопросе. Его текст был срочно телеграфирован в Москву для передачи Хэллу, который находился там на конференции

министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и должен был встречаться со Сталиным. «В ответ на мои послания, — говорилось в сопроводительке президента для госсекретаря, — Маршал не проявил понимания моих обязательств. Поэтому прошу Вас вручить от моего имени это послание Маршалу и объяснить ему в устной форме те вполне определенные и ясные причины, которые продиктованы не личными желаниями, а закреплены в Конституции. Это

не теоретический, а фактический вопрос»⁷¹. С учетом важности сообщения посольство США в Москве сделало свой перевод послания для советской стороны. Оно было вручено Сталину Хэллом во время их встречи 25 октября.

Еще до получения в Кремле этого послания Рузвельта вопрос о встрече в верхах обсуждался во время его беседы Идена со Сталиным 21 октября 1943 года. Отчет англичанина об этой беседе, направленный Черчиллю, дает дополнительные штрихи к «тегеранскому настрою» Сталина в его британском восприятии:

«Маршал сказал, что очень жалеет о неудобствах, причиняемых Президенту; сам он был бы рад поехать куда-нибудь подальше, но возможности, открывшиеся сейчас в войне, предоставляются раз в полвека. Он говорил это с выражением полной искренности. Я думаю, что он действительно хочет встречи, но вряд ли готов отправиться туда, где у него нет представительства, через которое он может поддерживать постоянную секретную связь с Москвой. В какой-то момент он сказал, что было бы крайне жаль откладывать встречу до весны, но, возможно, так будет лучше. Я ответил, что такая отсрочка вызовет в мире огромное разочарование. Маршал не стал с этим спорить»⁷².

Используя различия между Рузвельтом и Черчиллем в вопросе о Тегеране, Сталин через Идена посылал этот сигнал премьеру в надежде на его помощь в этом деле — встреча под угрозой и может быть отложена, если Рузвельт откажется ехать в Тегеран. Расчет оказался верен. Британский премьер стал уговаривать Рузвельта на хотя бы краткий визит в иранскую столицу из Каира для встречи с «дядюшкой Джо», полагая, что тот «дальше Тегерана не поедет»⁷³.

На встрече с Хэллом 25 октября 1943 года Сталин повторил свои аргументы в пользу Тегерана и пояснил особенность военной обстановки, делающей его близость к фронту особенно необходимой: в отличие от Красной Армии немцы исчерпали свои резервы, что открывает уникальную возможность для нового наступления и решающего разгрома основных сил вермахта. Он также с сожалением говорил о возможности переноса встречи в верхах на весну 1944 года. Хэлл, как и ранее Иден, высказался против такой отсрочки, отметив опасность усиления разногласий между союзниками и ослабления общественной поддержки сотрудничества «большой тройки» в самих США. В своих рекомендациях президенту госсекретарь и новый американский

посол в Москве А. Гарриман отмечали искреннее стремление Сталина ко встрече с Рузвельтом и твердость его выбора в пользу Тегерана⁷⁴.

Рузвельт, тем не менее, продолжал упорствовать в своем отказе ехать в Тегеран. Его мнение на сей счет передал верный Гопкинс в беседе с Громыко 26 октября 1943 года, подчеркнув, что «почти уверен в том, что Рузвельт лететь в Тегеран не сможет». К трудностям конституционного порядка он добавил и человеческий аргумент, рассчитанный на простое сочувствие — «невозможность для президента предпринять по условиям здоровья перелет между Багдадом и Тегераном»⁷⁵.

Но Сталин не уступал. Он выдерживал паузу с ответом Рузвельту, выжидая его реакции на высказанное им Хэллу и Идену. «От дядюшки Дж. пока — ни слова», — сетовал президент своему британскому коллеге 25 октября⁷⁶. К варианту отсрочки встречи Сталин добавил еще один элемент мягкого шантажа. «Для нас ясно, — телеграфировал из Москвы Иден после очередного разговора с Хэллом, — что Д. Дж. не поедет дальше Тегерана. Он дал понять, что может послать вместо себя Молотова. Мы с Хэллом считаем, что было бы ошибкой для Вас с Президентом ехать в Басру ради встречи с Молотовым...». По мнению министров, в создавшейся обстановке оставалось только два варианта действий: наилучший — предложенный Черчиллем бросок в Тегеран из Басры на один-два дня для встречи со Сталиным, или отсрочка встречи в случае, если «Президент не готов на первый вариант»⁷⁷. Уже не раз откладывавшаяся встреча «большой тройки» снова повисла в воздухе. Между тем, для союзников она становилась еще более настоятельной в свете неожиданного для них успеха Московской конференции министров иностранных дел трех держав, завершившейся 30 октября 1943 года. Советское руководство проявило высокую готовность к сотрудничеству и на конференции были достигнуты важные взаимовыгодные договоренности. Нужно было ковать железо, пока горячо. «Насколько я могу судить о настрое этих непредсказуемых людей, — писал об итогах конференции Иден в телеграмме Черчиллю, — они сейчас готовы идти вместе с нами во всех делах при условии, если будут чувствовать, что равны нам во всех отношениях, и что мы ничего от них не утаиваем». Иден призывал Черчилля «нажать» на Рузвельта «со всей Вашей силой»⁷⁸.

Сталин внимательно изучил послание Рузвельта от 21 октября, подчеркивая самые важные

для себя места: «я не могу поехать в Тегеран», «... члены моего кабинета и лидеры законодательных палат», «Басра», «специальный провод под Вашим контролем», «в шестистах милях от русской территории», «дело величайшего значения». Но он не собирался выручать президента. Чтобы окончательно дожать его в этом вопросе, Сталин добавляет к своему коронному аргументу то самое предложение, которое до этого передавал через посредников — послать вместо себя на эту встречу Молотова, дабы устранить «затруднения в выборе места встречи». Это был ловкий ход. С одной стороны, кремлевский затворник мог быть уверен, что союзники не согласятся на такой вариант; с другой — предложение выглядело достаточно правдоподобным, поскольку Молотов уже встречался самостоятельно и с Черчиллем, и с Рузвельтом во время своей миссии 1942 года. Прижатый к стене, Рузвельт, наконец, сдался, поступившись самолюбием ради встречи со Сталиным. Для сохранения лица он сослался на якобы найденный им способ решения проблемы связи с Конгрессом⁷⁹. Характерно, что президент не удосужился сообщить о своем согласии поехать в Тегеран Черчиллю, который узнал об этом от своих дипломатов и был крайне обижен обращением с собой как с младшим партнером: «Я бы предпочел, чтобы Вы сами прямо сказали мне об этом», — телеграфировал он Рузвельту 11 ноября⁸⁰.

В ходе подготовки Тегеранской конференции одним из главных вопросов стало размещение делегации США, поскольку американская миссия в Тегеране находилась на большом удалении от советской и соседней британской. Черчилль поспешил пригласить его на свою территорию и уговорить на это Сталина. Премьеру очень хотелось сохранить традицию «совместного проживания» с президентом во время их встреч, располагавшую к доверительности и тесному неформальному общению. В послании Сталину от 23 ноября 1943 года он упомянул этот вариант как уже почти решенное дело⁸¹. Однако президент не торопился принять приглашение Черчилля. 24 ноября он отправил свое послание Сталину, в котором передавал решение этого вопроса ему с прозрачным намеком на свою готовность воспользоваться советским гостеприимством: «Я знаю, что Ваше Посольство и Британское Посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя Миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне сообщили, что все трое из нас подвергались бы ненужному

риску, отправляясь на заседания и возвращаясь с заседаний, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга.

Где, по Вашему мнению, должны мы жить?»⁸²

Несмотря на уговоры Черчилля, Рузвельт не хотел создавать у Сталина впечатления об англо-американском «шушуканье» в тайне от русских. Кроме того, его чрезвычайно интересовала личность советского диктатора и он не хотел упускать уникальной возможности более тесного общения с ним для налаживания личного контакта. Рузвельт, проехавший ради этого полмира, действительно, ждал этой встречи с «острым предвкушением» («with keen anticipation»), как гласил первоначальный русский перевод последней фразы его послания, приглашенный потом при издании «Переписки». Рузвельт, не без иронии подтвердил в своих мемуарах Хэлл, «ждал встречи со Сталиным с детским энтузиазмом»⁸³.

В ответном послании Рузвельту Сталин — возможно, за недостатком времени — не ответил на вопрос президента, ограничившись лапидарным сообщением в телеграфном стиле о дате своего прибытия в Тегеран. Получив это скупое сообщение Сталина, Рузвельт, видимо, решил, что его намёк не был услышан, и перешел к открытому тексту, переданному по закрытому каналу. 25 ноября советский дипломатический представитель в Тегеране Максимов срочно сообщил в Москву о беседе со своим американским коллегой Дрейфусом. Тот сказал, что президент прибудет в иранскую столицу 28 ноября и доверительно сообщил об отказе Рузвельта остановиться в английской миссии. «Одновременно американец заявил, — говорилось в телеграмме, — что, если можно, то Рузвельт принял бы с большим удовольствием приглашение остановиться на территории советского посольства. Дрейфус просил по этому вопросу снестись с НКВД и дать ему ответ. Дрейфус добавил, что в том случае, если по какой-либо причине нам этого нельзя будет сделать, то данная беседа должна остаться в глубоком секрете»⁸⁴. На сей раз Москва ответила ясно: Молотов распорядился дать указание Максиму передать Дрейфусу, «что Советское правительство охотно принимает предложение президента о том, чтобы устроить его в советском посольстве в Тегеране»⁸⁵. Эта доселе неизвестная переписка ясно свидетельствует о том, что вопреки распространенной версии не Сталин «заманил» Рузвельта на советскую территорию, а сам президент напросился в гости к советскому вождю, проявив при этом

недоужинное упорство и конспиративную изобретательность. Собственную инициативу в этом вопросе Рузвельт скрывал даже от своих коллег, которым он объяснял, что принял приглашение русских дабы «показать мое доверие к ним, мою полную уверенность в них»⁸⁶.

Делегация США во главе с Рузвельтом после шестичасового перелета прибыла из Каира в Тегеран 27 ноября 1943 года и провела первую ночь в американской миссии, поскольку прилетела раньше намеченного срока и еще не имела окончательного приглашения с советской стороны (распоряжение на сей счет Молотова, переданное через его заместителя В. Деканозова в Москве, задержалось и дошло до Максимова лишь 28 ноября). Теперь заволновались уже в советской делегации, решив принять срочные меры. В ту же ночь Молотов срочно пригласил к себе Гарримана и сообщил ему об угрозе «враждебных актов» «в отношении руководителей наших государств» со стороны «прогерманских элементов». В этой обстановке, сказал нарком, «представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве»⁸⁷. Хотя нарком не подтвердил своего предупреждения конкретными данными, Гарриман согласился с рекомендацией Молотова и пообещал поговорить с президентом. Рузвельта не пришлось долго уговаривать: на следующее утро после краткого обмена мнениями с помощниками он с готовностью принял приглашение Сталина. Ему было предоставлено самое просторное помещение на территории посольства, тогда как Сталин расположился в более скромном здании. Тегеранская конференция началась.

Бернский Инцидент

Пожалуй, самое тяжелое объяснение между Рузвельтом и Сталиным состоялось в марте–апреле 1945 года в связи с известным «Бернским инцидентом» — истории с секретными контактами между американской разведкой и нацистскими представителями в Берне в марте 1945 года (операция «Кроссворд»), которые Сталин не без основания счел сепаратными переговорами о капитуляции германских войск в Северной Италии. Дипломатия США сообщила об этих контактах советской стороне (полагая, что в Москве о них все равно узнают), но наотрез отказалась пригласить на них советских представителей, объясняя свой отказ тем, что контакты в Берне носят чисто предваритель-

ный характер, а советские участники смогут подключиться к последующим официальным переговорам в штаб-квартире союзных войск в Казерте (Италия). Рузвельт одобрил это решение, опасаясь, что советское присутствие в Берне затянёт обсуждение с немцами или вообще отобьет у них желание капитулировать. Кроме того, он считал Италию сферой западного влияния, в которой решающее слово должно оставаться за англо-американцами⁸⁸. Этот неубедительный отказ возбудил в Москве большие подозрения в том, что «за спиной Советского Союза» союзники ведут сепаратные переговоры с немцами, как писал Молотов Гарриману 22 марта 1945 года в ответ на очередные заверения американцев⁸⁹. Встревоженный резким тоном Молотова, Рузвельт с подачи своих военных 24 марта направил Сталину послание с объяснением обозначенной американской позиции.

Ответное послание Рузвельту по этому вопросу от 29 марта было подготовлено Молотовым и оставлено Сталиным без поправок. В нем говорилось о том, что немцы уже использовали эти переговоры для переброски новых дивизий из Италии на советско-германский фронт и ставился ключевой вопрос — «почему отказано представителям Советского командования в участии в этих переговорах и чем они могли бы помешать представителям союзного командования»⁹⁰. Внимательно изучая ответ Рузвельта на это послание, Сталин выделяет в нем ключевые места: «атмосфера, достойная сожаления», «никаких переговоров о капитуляции не было», «целью было установление контакта», «Ваши сведения ... ошибочны». Отталкиваясь от этих опорных точек, Молотов пункт за пунктом парирует оправдания Рузвельта в проекте ответного послания. Перед тем как его утвердить, Сталин решает предельно заострить звучание этого и без того гневного документа, поднимая ставки «Бернского инцидента» еще выше.

Роль англичан в операции «Кроссворд» была более противоречивой, чем представлялось в Кремле. Молчание Черчилля по этому вопросу в переписке со Сталиным объяснялось не коварством Лондона (в которое так истово верили в Москве), а тем, что эта операция была американской инициативой, к которой англичане подключились на правах младшего партнера. Кроме того, британская сторона поначалу придерживалась иной позиции по вопросу о советском участии. Документы британских архивов показывают, что британский Кабинет и КНШ

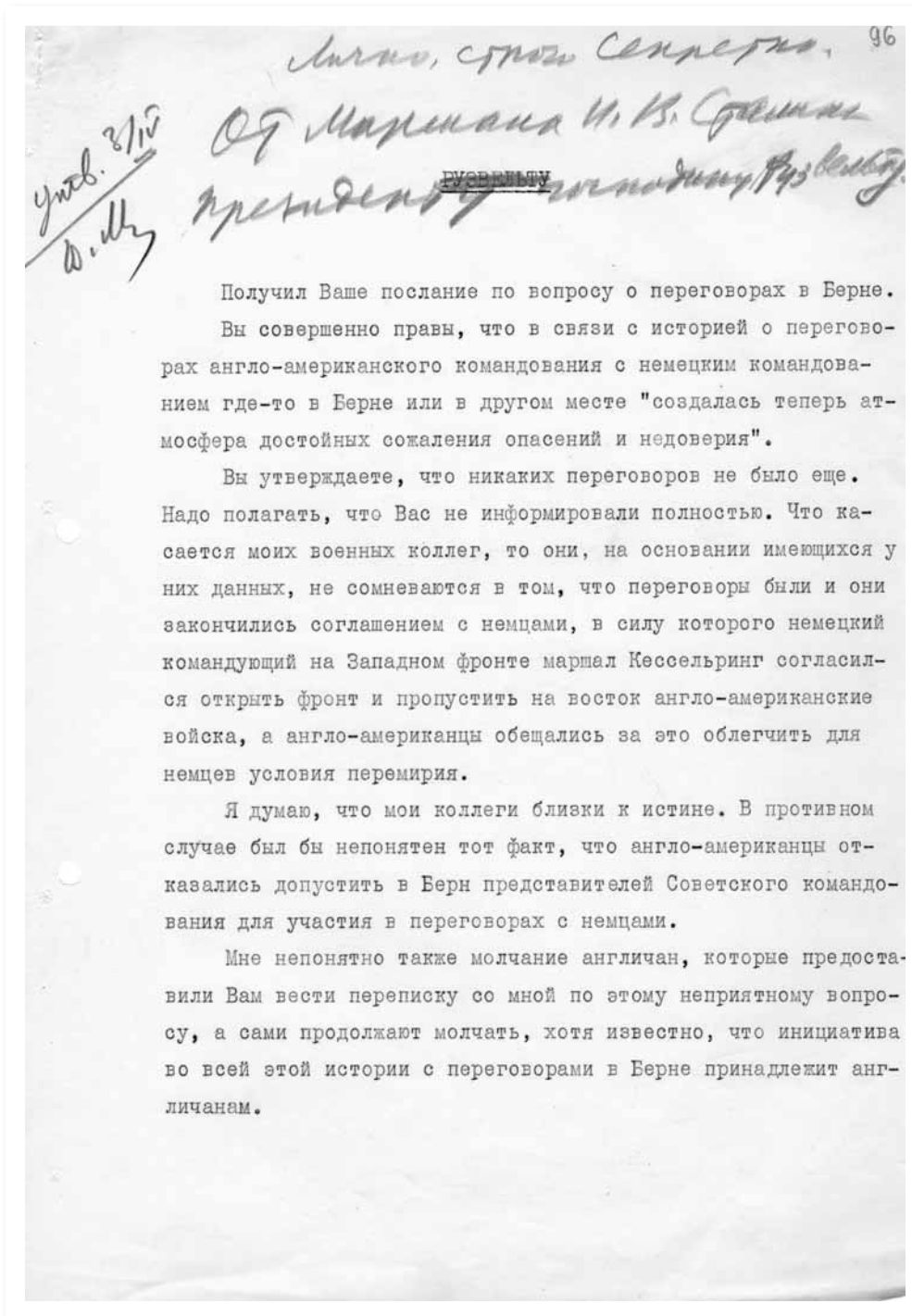

Рис. 4.

были не против приглашения в Берн советских представителей и даже направили было соответствующие указания союзному главнокомандующему в Италии фельдмаршалу Г. Александеру⁹¹. Одним из мотивов было опасение создать нежелательный для себя прецедент «в похожей ситуации на Восточном фронте» (как отмечал во внутренней переписке Иден)⁹². Сам Черчилль проявлял понимание советской чувствительности в этом вопросе, о чем свидетельствует ряд

его высказываний в своем кругу. Так, например, 23 марта 1943 года он писал Идену: «Я хорошо понимаю встревоженность русских тем, что принятие нами капитуляции (немцев. — В. П.) на Западе или Юге ликвидирует сопротивление нашим армиям, которые дойдут до Эльбы или даже Берлина прежде Медведя»⁹³. Черчилль также не до конца доверял информации резидента УСС в Швейцарии Аллена Даллеса о том, что контакты в Берне имели чисто предварительный

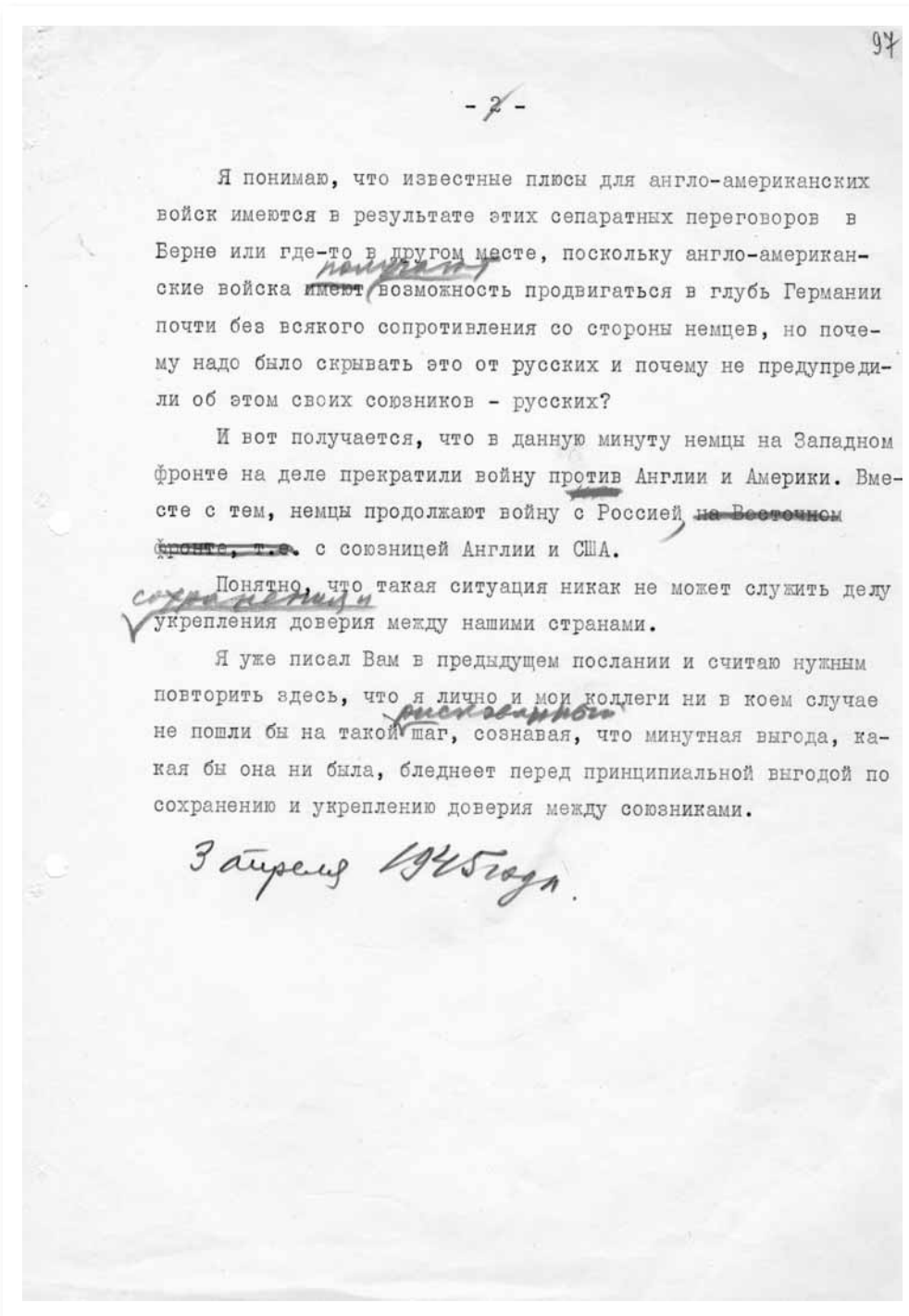

Рис. 5.

характер. «Похоже, что разговоры в Швейцарии могут зайти дальше этого, если уже не зашли», — писал он Идену 30 марта⁹⁴. В середине апреля — уже после спада остроты кризиса Черчилль в послании новому президенту США Г. Трумэну дал весьма реалистическое объяснение реакции Кремля на «Кроссворд»:

«Мы с Вами знаем, что наша совесть чиста. Однако надо понять и подозрения русских, как бы ошибочны они не были. Их разведка, безусловно,

доложила о действиях УСС. Русским было заявлено, что их там не ждут. Тем временем, дела в Швейцарии продолжались на протяжении более двух недель, в течение которых Кессельринг был переведен из Северной Италии на командование Западным фронтом... Русские, с их подозрительной натурой, естественно, могли предположить, что все это было частью сплетенного в Швейцарии заговора с целью освободить путь для легкого продвижения союзных армий по Германии через

Рейн и что Кессельринг отправился на запад для осуществления этого плана. В то же время они наверняка заметили переброску значительного количества немецких дивизий с Западного фронта на Восточный. Соединив эти два обстоятельства, они пришли к неверному заключению о том, что мы пытаемся устроить себе легкую прогулку за их счет и ради нашей славы. Отсюда — оскорбительная телеграмма Сталина Рузвельту от 3 апреля. Боюсь, что, несмотря на наш окончательный ответ, эта выдумка станет в русской армии легендой»⁹⁵.

Однако в разгар кризиса под влиянием Вашингтона и, будучи возмущен тоном послания Сталина Рузвельту от 3 апреля 1945 года (которое было доведено до его сведения), премьер солидаризировался с американской позицией и поддержал Рузвельта в отдельном послании Сталину по этому вопросу от 5 апреля.

Сталинско-молотовское послание Рузвельту от 3 апреля поначалу было воспринято в Белом доме как оскорбление, требующее срочного ответа. Рузвельт, находившийся на лечении в местечке Уорм-Спрингс (Джорджия), дал указание своему военному помощнику адмиралу У. Леги «принять необходимые меры для подготовки немедленного ответа»⁹⁶. Сталинское послание исполнено «подозрительности и недоверия к нашим мотивам, — записал Леги в своём дневнике, — Я подготовил для президента направленный затем маршалу Сталину резкий ответ, настолько близкий к отповеди, насколько это возможно в дипломатических обменах между государствами»⁹⁷. Рузвельт подписал проект, не внося никаких изменений. В нем выражалось удивление тем, что «Советское Правительство, по видимому, прислушалось к мнению о том, что я вступил в соглашение с врагом, не получив сначала Вашего полного согласия». Леги и помогавший ему Дж. Маршалл вставили в конец послания фразу о «крайнем негодовании» президента в отношении информаторов Сталина «в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных»⁹⁸. Однако Рузвельт, как отмечает американский историк У. Кимбэлл, «так и не ответил на главный вопрос советского премьера — почему советские представители были исключены из бернских переговоров?»⁹⁹

Сталин ответил Рузвельту 7 апреля в вежливом тоне, начав с того, что «никогда не сомневался в Вашей честности и надежности, так же как и в честности и надежности г-на Черчилля».

Речь идет о разном понимании союзнического долга, подчеркнул он: «Мы, русские, думаем, что в нынешней обстановке на фронтах, когда враг стоит перед неизбежностью капитуляции, при любой встрече с немцами по вопросам капитуляции представителей одного из союзников должно быть обеспечено участие в этой встрече представителей другого союзника. Во всяком случае это безусловно необходимо, если этот союзник добивается участия в такой встрече. Американцы же и англичане, думают иначе, считая русскую точку зрения неправильной»¹⁰⁰. По сути, обе стороны остались при своем мнении, но решили сгладить этот инцидент, чтобы не доводить дело до опасного разрыва.

Следующий шаг к примирению сделал Рузвельт, хотя и не без колебаний, как показывают документы его архива, прежде не замеченные историками. Его первой реакцией на послание Сталина от 7 апреля 1945 года (полученное им 9 апреля), была резолюция для Леги: «Думаю, что это не требует ответа, если только Вы и генерал Маршалл не считаете нужным ответить»¹⁰¹. Документальных свидетельств дальнейшего обсуждения этого вопроса не сохранилось, поэтому не ясно, кто был инициатором ответа — Леги с Маршаллом или сам Рузвельт при зрелом размышлении изменил свое первоначальное мнение. Возможно, это могло быть решено по телефону между президентом и его советниками. Так или иначе, Рузвельт подписал подготовленный адмиралом проект послания, в котором благодарил Сталина за «искреннее пояснение советской точки зрения» и выражал надежду на то, что «незначительные недоразумения (в английском оригинале — „непонимания“) такого характера не должны возникать в будущем»¹⁰². Посол Гарриман, приложивший руку к раздуванию этого кризиса, на свой страх и риск задержал передачу послания в Москве, предложив исключить из него термин «незначительный», поскольку (как телеграфировал он президенту) «в данном случае непонимание представляется мне очень серьезным». Когда Леги получил эту телеграмму Гарримана, он уже твердо знал настрой президента, который накануне передал через него свое последнее послание Черчиллю с призывом «не педалировать советскую проблему»¹⁰³. Поэтому Леги предложил Рузвельту следующий проект ответа послу — «Я не намерен опускать слово «незначительный», так как хочу считать бернское непонимание незначительным инцидентом»¹⁰⁴. Это сообщение ушло из Штабной комнаты

в Уорм-Спрингс в 10:50 утра 12 апреля, а уже в 13:06 Леги получил его одобрение президентом. В 13:15 Рузвельт пожаловался на «ужасную боль в затылке» и потерял сознание. Еще через два часа его не стало. Таким образом, шаг навстречу Сталину был его последним важным решением. «Та энергия, с которой он отверг мое предложение, — вспоминал впоследствии Гарриман, — была очень характерна для его решимости обращаться со Сталиным максимально сдержанно, несмотря на все трудности»¹⁰⁵. В Москве этот шаг был оценен по достоинству. И. М. Майский в беседе с британским послом А. Керром 13 апреля с облегчением заметил, что бернский инцидент был, наконец, закрыт, судя по «предсмертному посланию» президента Сталину¹⁰⁶.

* * *

Вечером 13 апреля 1945 года Сталин принял Гарримана. «Он встретил меня скорбным молчанием и не отпускал моей руки секунд тридцать». — Отмечается в американской записи беседы. Посол заверил вождя в том, что Трумэн продолжит политику Рузвельта. «Президент Рузвельт умер, но дело его должно продолжаться», — ответил Сталин. — «Мы окажем президенту Трумэну помощь всеми своими силами»¹⁰⁷. По настоятельной просьбе Гарримана он тут же пересмотрел свое решение не посылать Молотова на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско, принятое в разгар «бернского инцидента».

Недюжинный актёр, Сталин, по всей видимости, был всё же действительно потрясён кончиной Рузвельта, как и большинство современников. Правда, в Ялте он видел президента ослабленным, но знал, что тот продолжает твёрдо сохранять управление государством в своих руках, о чём говорила и их активная переписка вплоть до самого последнего дня. К эффекту внезапности примешивалось чувство тяжёлой потери: Сталин рассчитывал на привычное партнёрство с президентом в критический период завершения войны и закладывания основ послевоенного устройства. Он был хорошо информирован о нарастании сопротивления советской политике Рузвельта в Америке и теперь имел веские основания опасаться её пересмотра. Тем более, что преемник Рузвельта не входил в круг его близких соратников и был известен в Москве главным образом своим памятным призывом 1941 года к взаимному истреблению немцев и русских. Уже первые шаги Трумэна —

его жесткий разговор с Молотовым 23 апреля 1945 года, внезапное, безо всякого предупреждения, прекращение поставок по ленд-лизу 12 мая — подтвердили эти опасения. «Теперь, после смерти президента Рузвельта Черчилль быстро столкнется с Трумэном», — говорил своим соратникам Сталин в те майские дни¹⁰⁸.

Отношение Сталина к покойному президенту ощущается и в его публичной реакции на его кончину. В фонде Молотова сохранился черновик сталинского соболезнования вдове президента Элеоноре. В нём Сталин высоко поднимает значение мировой роли Рузвельта, заменяя скупую молотовскую характеристику президента «как друга и соратника по борьбе с нашим общим врагом» на куда более выразительное и масштабное определение — «великого организатора борьбы свободолюбивых наций против общего врага и как руководителя дела обеспечения безопасности во всём мире»¹⁰⁹.

Именно в такой формулировке послание было срочно, 13 апреля 1945 года, напечатано в «Известиях», задав тон всей советской пропаганде в освещении этого события. В том же номере «Известий» было опубликовано и послание Сталина президенту Трумэну, в котором подчёркивалась историческая роль Рузвельта как «величайшего политика мирового масштаба и глашатая организации мира и безопасности после войны»¹¹⁰.

По решению правительства на государственных учреждениях в Москве были вывешены траурные флаги. Это фактически означало объявление официального траура в связи с кончиной буржуазного лидера — единственный случай подобного рода во всей предыдущей советской практике. И за этим решением тоже стоял Сталин.

Разумеется, в сталинской реакции на смерть Рузвельта присутствовали и чисто политические расчёты — образ покойного президента отождествлялся с расцветом советско-американских отношений и становился их мерилем на будущее. И всё же думается, что в этой реакции было и искреннее сожаление и опасение за будущее. 15 апреля, отвечая на взволнованное письмо Г. Гопкинса, в котором говорилось об утрате Россией «своего самого большого друга в Америке», Сталин написал в необычном для себя, прочувствованном тоне: «Совершенно согласен с Вами в оценке роли и значения Рузвельта для Советского Союза. Лично я глубоко опечален потерей испытанного друга — человека великой души»¹¹¹.

- ¹ Staff Meeting, December 8, 1943. // Library of Congress, W.A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 171.
- ² M. Djilas. Conversations with Stalin. N.Y., 1962, P. 73.
- ³ W. Kimball. The Juggler. Franklin D. Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, 1991, P. 88.
- ⁴ April 23, 1942 (by Michela). // Franklin D. Roosevelt Library (далее — FDRL), Harry L. Hopkins Papers, Military Intelligence, USSR-EE Branch.
- ⁵ Подробнее об этой стратегии Рузвельта см.: J. Gaddis. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War. N.Y., 1982, P. 9–13; W. Kimball. The Juggler, ch. 5.
- ⁶ R. Gannon. The Cardinal Spellman Story. N.Y., 1962, P. 222–224.
- ⁷ Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence (далее — Churchill & Roosevelt), Vol. 1–3. Edited by W. Kimball. Princeton, 1984, Vol. I. P. 421.
- ⁸ A. M. Schlesinger, Jr., L. Gardner, H. Morgenthau. The Origins of the Cold War. Waltham (Mass.), 1970, P. 72.
- ⁹ Цит. по: W. Kimball. The Juggler, P. 110.
- ¹⁰ А. Трояновский — М. Литвинову, 1.12.1936. // Архив Внешней Политики МИД РФ (далее — АВП РФ), ф. 05, оп. 16, п. 122, д. 104, л. 91.
- ¹¹ Цит. по: Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца (перевод с английского). Т. 2, М., 1958, С. 587.
- ¹² См., например, М. Литвинов. Политика США. // АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 28, д. 327, лл. 15–16; А. Громыко. К вопросу о советско-американских отношениях (14.07.1944). // АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 45, д. 603, лл. 7–8.
- ¹³ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 28, д. 327, л. 21.
- ¹⁴ R. Messer. The End of an Alliance. James Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982, P. 42; Notes on the Conversations with the President. — Library of Congress, W.A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 175. «При послевоенном решении наших споров с пограничными государствами, — со знанием дела прогнозировал посол М. Литвинов, — Рузвельт не станет активно поддерживать их претензий, если он очутится перед свершившимися фактами». (АВП РФ, ф. 6, оп. 5, п. 28, д. 327, л. 22).
- ¹⁵ Подробнее об этих прогнозах см.: V. Pechatnov. The Big Three after World War II. New Documents on Soviet Thinking about Post-War Relations with the United States and Great Britain. Cold War International History Project, Working Paper № 13, Washington, 1995, P. 4–5, 7–8.
- ¹⁶ О. А. Ржешевский. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004, С. 244.
- ¹⁷ Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сборник документов. М., 1978, С. 117–118.
- ¹⁸ АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 42, д. 550, л. 29.
- ¹⁹ Дополнительные соображения о подопечных территориях (записка М. Литвинова, 28.06.1945). // АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 17, д. 173, л. 64.
- ²⁰ Советский Союз на конференциях периода Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сборник документов. М., 1979, С. 61.
- ²¹ Churchill & Roosevelt, Vol. 1, P. 545.
- ²² Цит. по: M. Sherry. Preparing for the Next War. America's Plans for Post-War Defense. N.Y., 1976, P. 131.
- ²³ Conversation between Mr. Law and President Roosevelt // The National Archives, Kew, Richmond (далее — TNA), Foreign Office (далее — FO) 371/44595.
- ²⁴ См.: В. О. Печатнов, И. Э. Магадеев. Канал Сталин–Рузвельт // «Великая победа»: многотомное продолжающееся издание под общей редакцией С. Е. Нарышкина и академика А. В. Торкунова. М., МГИМО, 2011. Т. 7.
- ²⁵ Советско-американские отношения. 1939–1945. Под ред. Г. Н. Севостьянова. М., 2004, С. 192, 196.
- ²⁶ Там же. С. 216.
- ²⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, (далее — Переписка), Т. 2, С. 45–46.
- ²⁸ Там же. С. 47.
- ²⁹ Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (далее — FRUS), Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 506–507.
- ³⁰ Переписка, Т. 2, С. 49–50.
- ³¹ И. М. Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 г. Сост. Ю. А. Никифоров, Л. В. Поздеева, О. А. Ржешевский; отв. ред. А. О. Чубарьян. М., Наука, 2009, С. 194.

- ³² Из Лондона, 9 февраля 1943 года // АВП РФ, ф. 059, оп. 7, п. 13, д. 6, лл. 221–222.
- ³³ Подробнее о происхождении миссии Дэвиса см.: В.Л. Мальков. Путь к имперству. Америка в первой половине XX века. М., 2004, С. 396–399.
- ³⁴ Беседа М.М. Литвинова с Дж. Дэвисом, 22 мая 1943 г. // АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 29, д. 337, л. 16.
- ³⁵ E. MacLean. Joseph Davies: Envoy to the Soviets. Westport, 1992, P. 100.
- ³⁶ Churchill & Roosevelt. Vol. 2. P. 283.
- ³⁷ Kerr to Warner, 3rd June, 1943; Warner to Kerr, 1st July, 1943 // TNA, FO 800/301.
- ³⁸ Литвинов — в НКВД, 5 мая 1943 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы в 2 т. М., 1984 (далее — САМО), Т. 1. С. 314–315.
- ³⁹ Davies to the President and the Secretary of State, May 21, 1943. // FDRL, Map Room Files (далее — MR), Box 8. См. также: Посетители кремлевского кабинета И. В. Сталина. // Исторический архив. 1998. №4. С. 67.
- ⁴⁰ C. Dunn. Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 188.
- ⁴¹ F. Castigliola. Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics helped Start The Cold War. Princeton, 2012, P. 192–193. Американский исследователь У. Кинселла, не приводя источников, ошибочно считает, что Сталин ответил на предложение Рузвельта встретиться на одном из берегов Берингова пролива отказом (Kinsella W.E. Jr. Relations with the Soviet Union. // A Companion to Franklin D. Roosevelt / Ed. by W.D. Pederson. Malden, 2011).
- ⁴² Davies to the President and the Secretary of State, May 27, 1943. // FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 5.
- ⁴³ Davies to Roosevelt, May 29, 1943 // FDRL, President's Secretary File.
- ⁴⁴ Davies to the President and the Secretary of State, May 27, 1943. // FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 5.
- ⁴⁵ Переписка, Т. 2, С. 68–69.
- ⁴⁶ W. Churchill. The Second World War. Vol.IV, The Hinge Of Fate. London, 1951, P. 811.
- ⁴⁷ Hopkins to Eisenhower for Churchill, May 31, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ⁴⁸ From AFHQ in North Africa to War, June 2, 1943 // Ibid.
- ⁴⁹ From President to General Marshall, June 2, 1943 // Ibid.
- ⁵⁰ Российский Государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 365, л. 131–132.
- ⁵¹ Подробнее см.: В.О. Печатнов. Переписка У. Черчилля с И.В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны (по документам британских архивов) // Международная жизнь, 2010, № 7, С. 113–115.
- ⁵² Переписка, Т. 2, С. 76.
- ⁵³ From Washington to Foreign Office, 8th July, 1943 // Churchill Archive Centre (Cambridge University) Winston S. Churchill Papers, Chartwell (далее — CHAR), 20/129.
- ⁵⁴ Майский — в НКВД, 3 июля 1943 г. // АВП РФ, ф. 059а, оп. 7, п. 13, д. 6, л. 298.
- ⁵⁵ Davies to Mr. Stalin, July 22, 1943; Hopkins to Gromyko, July 22, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ⁵⁶ Из Вашингтона 23.VI. 1943 г. // АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 3, д. 25, л. 41.
- ⁵⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 1.
- ⁵⁸ Переписка, Т. 2, С. 77.
- ⁵⁹ Там же, С. 81–82.
- ⁶⁰ Там же, С. 83.
- ⁶¹ W. A. Harriman and E. Abel. Special Envoy to Churchill and Stalin, N.Y., 1975, P. 226.
- ⁶² The War Diaries of Oliver Harvey. Ed. by John Harvey. London, 1978, P. 288.
- ⁶³ Prime Minister to Deputy Prime Minister and War Cabinet, 25th August 1943 // CHAR 20/ 129.
- ⁶⁴ For General Watson, August 25, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ⁶⁵ My Dear Mr. President, August 25, 1943 // Ibid.
- ⁶⁶ Из Вашингтона, 25.VIII. 1943 г. // АВП РФ, ф. 059, оп. 10, п. 3, д. 26, л. 2.
- ⁶⁷ Переписка, Т. 2. С. 89; РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 71–72.
- ⁶⁸ Переписка, Т. 2. С. 98–99.
- ⁶⁹ САМО, Т. 1. С. 373.
- ⁷⁰ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 366, л. 163.
- ⁷¹ From Opnav to Alusna, October 21, 1943 // FDRL, MR, Box 8.

- 72 From Moscow to Foreign Office, 22nd October, 1943 // CHAR/20/ 122.
- 73 Churchill & Roosevelt, Vol. 2. P. 570.
- 74 FRUS, The Conferences at Cairo and Tehran, 1943.
- 75 САМО, Т. 1. С. 394.
- 76 Churchill & Roosevelt, Vol. 2. P. 561.
- 77 From Moscow to Foreign Office, 1st November, 1943 // CHAR/20/123.
- 78 From Moscow to Foreign Office, 2nd November, 1943 // Ibid.
- 79 Переписка. Т. 2. С. 104.
- 80 Churchill & Roosevelt, Vol.2, P. 596.
- 81 Переписка. Т. 1. С. 177.
- 82 Переписка. Т. 2. С. 107.
- 83 C. Hull. Memoirs. Vol. 2, P. 1313.
- 84 Из Тегерана, 25 ноября 1943 г. // Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 63, д. 222, л. 6.
- 85 Молотов — Деканозову, 26 ноября 1943 г. // Там же, л. 7.
- 86 F. Castigliola. Roosevelt's Lost Alliances, P. 196.
- 87 САМО, Т. 1. С. 442–443.
- 88 Churchill & Roosevelt, Vol. 3, P. 586.
- 89 САМО, Т. 2. С. 87.
- 90 Переписка, Т. 2. С. 199.
- 91 См.: From Foreign Office to Washington, 18th March, 1945//TNA, The Prime Minister Office Papers (далее — PREM) 3/198/2; From A.F.H.Q. to AGWAR, 15th March, 1945// Ibid.
- 92 TNA, PREM 3/198/2.
- 93 Prime Minister to Foreign Secretary, 23 March, 1945//TNA, PREM 3/356/9.
- 94 Foreign Secretary (personal minute by W.S. C.), 30.03.45//PREM 3/198/2.
- 95 From Foreign Office to Washington, 15th April, 1945//PREM 3/473.
- 96 From The President to Marshal Stalin, 4 April 1945 / FDRL, MR, Box 9.
- 97 Leahy Diaries, April 4, 1945. // National Archives, College Park (Maryland), Record Group 218, William Leahy, Cont. 4.
- 98 Переписка. Т. 2. С. 206.
- 99 Churchill & Roosevelt, Vol. 3. P. 609.
- 100 Там же. С. 206–207.
- 101 From The President to Marshal Stalin, 11 April 1945 // FDRL, MR, Box 9.
- 102 Переписка. Т. 2. С. 211–212.
- 103 Roosevelt to Churchill, April 11, 1945 // FDRL, Presidential Trips (Warm Springs Trip, March 29-April 12, 1945), Box 23.
- 104 Ambassador Harriman for the President, April 12, 1945; For Harriman from the President, April 12, 1945. // Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Chronological File, Cont. 178.
- 105 Library of Congress, W. A. Harriman Papers, Writing Files, Memoirs, E. Abel Files, Cont. 860.
- 106 From Moscow to Foreign Office, 14th April, 1945 // TNA, PREM 3/197/8.
- 107 FRUS, 1945, Vol. 5, Washington, 1967, P. 828.
- 108 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 713.
- 109 АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 44, д. 693, лл. 5–6.
- 110 Известия, 13.04.1945.
- 111 АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 44, д. 693, л. 38.